

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНА «ТРЕВОГА» ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕГО В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.Е. Малкова

Показаны семантико-этимологические особенности понятия и термина «тревога». Проведен анализ принципиальных различий в западно-европейском понимании тревоги как характеристики чувства скованности и парализующего страха и в понимании славяноговорящих как характеристики чувства беспокойства и нерешительности. Исследованы различия в отражении греко-латинских корней слова «тревога» в языках романской и славянской групп, характеризующие на нейровегетативном уровне разные группы симптомов – **тремор и скованность**.

Ключевые слова: тревога, семантика термина, этимология слова.

В настоящее время эмоциональные состояния человека, сопровождающиеся переживанием тревоги, привлекают внимание все большего числа специалистов, работающих в различных направлениях науки и практики, поскольку являются фактором, влияющим на результаты деятельности индивида [1, 9]. Тем не менее, просматривая ведущие периодические издания по психологии, нельзя не отметить того, что факт проработки или обсуждения «тревожной» проблематики занимает значительное место среди публикаций как теоретической, так и практической направленности. Почти у каждого автора, даже отдаленно пытающегося рассмотреть те или иные эмоциональные состояния, возникает необходимость описывать их с точки зрения наличия или отсутствия тревоги [11].

Исходя из этого может возникнуть вопрос: не открывает ли каждая последующая работа что-то новое в этом направлении? В некотором смысле это так, поскольку каждое новое исследование в значительной мере дополняет и расширяет ранее существовавшие представления о данном феномене. Однако часто именно новизна представлений и становится фактором, «размывающим» их границы и делающим собственно неопределенной и многоаспектной трактовку самого понятия и соответствующего ему термина. При этом авторы непременно указывают на неразработанность, неопределенность, неточность и многозначность самого понятия «тревога» [4, 7], несмотря на то, что тревога является одной

из наиболее распространенных диагностических, объяснительных и интерпретационных категорий, используемых в практической деятельности психолога.

Пожалуй, в большинстве случаев лишь интуитивно можно почувствовать тонкую грань, отделяющую понятие «тревога» от многих других. К примеру, человек, попадая в трудную ситуацию, испытывает неприятные ощущения: перед его мысленным взором проходят ужасающие картины возможных последствий, грядущих неприятностей, память услужливо предлагает воспоминания о прошлых неудачах... Вероятно, эти ощущения и будут тревогой. Однако, если в случае попадания другого человека в такую же ситуацию, ему удастся «абстрагироваться» от нее, утверждая, что ничего особенного не происходит, можно ли с уверенностью утверждать, что этот человек тревоги не испытывает, ведь его поведение и эмоциональное состояние изменилось? Можно долго рассуждать и спорить относительно того, как кто понимает конкретную ситуацию и конкретного человека. Однако как нам представляется, если речь идет о научном толковании понятий, следует применять только четкую формулировку.

Ярким примером нечеткости использования термина «тревога» могут служить ранние тексты исследований в рамках психодинамического подхода самой К. Хорни [14], в которых термин «тревога» используется в качестве синонима термина «страх», предполагая, таким образом, наличие родства между ними.

В более поздних публикациях К. Хорни разводит эти два понятия по простому и точному различительному признаку: «страх является реакцией, пропорциональной наличной опасности, в то время как тревога является несоответствующей реакцией на опасность или даже реакцией на воображаемую опасность». В современной литературе тревогу нередко определяют как ощущение неконкретной, неопределенной угрозы, неясное чувство опасности [8]. В этом определении, как и в некоторых других, подчеркиваются две особенности тревожных переживаний: во-первых, ожидание надвигающейся опасности, во-вторых, чувство неизвестности – неопределенности в отношении места и направления, откуда может возникнуть эта опасность. В отличие от эмоции страха, тревога не имеет определенного источника, охватывая человека «со всех сторон». Таким образом, можно сказать, что тревога – это «страх неизвестно чего». Другими словами, тревога является эквивалентом субъективного переживания сигналов угрозы организму и личности, возникающих при нарушениях личностно-средового взаимодействия, и как субъективное психологическое состояние лежит в основе начальной фазы эмоционально-аффективной реакции – острого эмоционального или психологического стресса [3, 10, 17]. В то же время нельзя не отметить тот факт, что тревога – это наиболее интимный и облигатный психологический компонент механизма стресса.

Тем не менее, использование термина тревоги часто встречается в ряде других значений [2], что, в свою очередь, и порождает неопределенность его трактовки на семантическом уровне. В случае наличия заинтересованных обсуждений природы феномена тревоги представителями различных культурных, языковых, профессиональных и собственно психологических школ проблема строгого, четкого определения этого термина приобретает особое значение. В связи с этим обращение нашего внимания к глубинно-историческим корням происхождения термина требует серьезного научного исследования междисциплинарного характера. Так, в словаре каждого языка можно встретить множество различных определений этого психического феномена. Как правило, они представляют наилучшую, опирающуюся на многовековой опыт, систему понятий. К примеру, в английском языке «anxiety» (тревога, тревожность, страх), во французском «anxiété» и «angoisse»,

в итальянском «angstia» и в испанском «ansiedad» (беспокойство, тревога) имеют общий корень. В то же время используемое в этом же контексте З. Фрейдом [13] немецкое прилагательное «ängstlich» (тревожный) происходит от «angst» – «страх» и соответственно означает «склонный к страху вообще», а не только к беспредметному страху, каким предположительно является тревога.

Исходя из вышеизложенного для лучшего понимания психологии смысла и контекста использования термина «тревога» как в отечественной, так и в зарубежной науке представляется безусловно интересным анализ его этимологической составляющей.

Семантико-этимологические особенности слова «тревога», отраженные в разных языках, целесообразно начать с анализа его славянской этимологии. На фоне интуитивного понимания возможности обнаружения неожиданных для исследователя трактовок термина, тем не менее, оказалось неожиданным обнаружить, что сложности с определением данного термина имеют место не только в психологической литературе, но и в публикациях по проблемам лингвистики. Так, Н.М. Шанский и Т.А. Боброва [15], говоря об отсутствии достоверных сведений об этимологии русского слова «тревога», указывают, тем не менее, на его исконно славянскую природу, находя сходства с украинским «тривога», болгарским «трывога», польским «trwoga» и др. В свое время крупнейший этимолог-славист М. Фасмер [12] высказывал предположение о том, что оно происходит из западно-славянского «trъvoga», связанного с «отвага». В то время как слово «отвага» происходит от древне-восточно-немецкого «waga» – «вес, весы», отсюда польское «odwaga» – «взвесить, рискнуть, отважиться» и русское «отвага». Исходя из этого, «тревога» в понимании славян может означать «длительные колебания, нерешительность». Кроме того, М. Фасмер, ссылаясь на исследования Н.В. Горячева и Ст. Младенова, не исключал этимологической близости «тревоги» с греческими «ταρβος» (страх), «ταρβω» (пугаюсь) и древнеиндийским «tárjati» (грозит, пугает). Не лишним здесь будет обратить внимание на сходное со словом «тревога» слово «треволнение», которое, в свою очередь, происходит от соединения древнеславянской приставки «тре-», которая использовалась для придания превосходной степени, и «волна». Помимо этого можно найти аналогии и с греческими

словами «трѹсѣѡ» (буквально – треволнение), «трѣсѡ» (трепещу), и латинским «tremo» (трепет).

Другими словами, представления о наличии славянских корней слова «тревога» приводят к выводу о необходимости определить ее как **состояние, связанное с чувством внутреннего беспокойства, нерешительности, волнения в связи с неопределенностью исхода действия.**

Что же касается западно-европейских особенностей семантики слова, переводимого на русский как «тревога», автору статьи удалось обнаружить ряд нюансов. Как уже указывалось выше, неопределенность терминологических трактовок базовых понятий психологии характерна не только для русской психологии. Так, известный французский психиатр Р. Pichot, автор монографии, посвященной проблемам тревоги, изданной в 1987 году [23], отмечал, что все термины, обозначающие «тревогу», в психиатрической литературе, по всей видимости, произошли от греческого «αἴω» или латинского «ango», «angere», «angog», что означает «сжатый», «суженый», «сжимать». В позднелатинском языке используется термин «anxiosus». В настоящее время достаточно распространены выражения, имеющие очевидную этимологическую родо-видовую связь с этой группой латинских слов и обозначающие чувство беспокойства, стеснения (в частности, стеснение в шее) – «angine», «angog». Некоторые слова вошли в психиатрические словари для обозначения определенных психопатологических феноменов. Это уже упоминаемые нами выше английское слово «anxiety», немецкое «angst», французские «angoisse», «anxiété», итальянское «angisia», испанское «ansiedad» и т.п. Фактор интенсивности этого ощущения сжатия во французской литературе обозначается термином «angoisse». По мнению Р. Pichot [19], «angoisse» – это процесс, в котором интенсивное и острое психическое страдание синхронизировано с субъективным чувством сжатия горла, тахикардией и другими висцеральными нарушениями. «Anxiété» он описывает как хроническое психическое состояние, в котором присутствует дискомфорт нейровегетативного происхождения. В свою очередь, Н. Еу, Р. Bernard, Ch. Brisset [19] отмечали различия терминов «angoisse» (беспокойство, испытываемое перед лицом надвигающейся опасности с характерными телесными явлениями), и «anxiété» (более общее, менее осоз-

нанное аффективное состояние). Кроме того, Н. Baruk [18] также рассматривал «anxiété» как более обобщенное понятие, считая «angoisse» – частным.

Испанский автор Хуан Хосе Лопес-Ибор [5] полагал, что при «angustia» доминирует более статичная внутренняя эмоциональная сторона нарушений, а при «ansiedad» – психологическая, в которой присутствует движение, чувство беспокойного ожидания.

В то же время подробный анализ происхождения немецкого слова «angst» (боязнь, по Макс Мюллеру), доказывающий всю психологическую глубину гения языка, еще в 19 в. провел немецкий психопатолог Г. Шюле [16]. В своем руководстве к душевным болезням он пишет: «не лишен интереса следующий краткий анализ происхождения. Змея в санскритском называется «ahi», а в греческом – «ἔχιζ», «ἔχιδνα», в латинском «anguis». Санскритский корень «ah» или «anh» значит задавить, сдавить. Отсюда «ahi» – змея, удавительница. Из санскритского корня «anh» происходит латинское «ango» – сжатие, стеснение. Но «angog» не только означало сдавление шеи, а получило и отвлеченное значение «Angst» – стеснение груди, тоска. От того же корня произошло готское «ages» – боязнь, английское «awe», или «aweful». И как немецкое «angst», так английское «anguish», французское «angoisse», итальянское «angoscia» происходят от того же латинского «angustiae» и, следовательно, от одного и того же санскритского корня» [16, с. 17].

В немецком языке, указывают В.М. Морозов и С.А. Овсянников [6], слово «angst» может относиться также и к внешним причинам, которые объективно представляют опасность. В таких случаях слово «angst» практически не отличается по значению от слова «furcht» (страх). Это дало повод З. Фрейду [20] для создания неологизма «realangst», которое, в отличие от понятия «angst», он употреблял в тех случаях, когда не обнаруживалось объективно познаваемой опасности извне. Исходя из этого, понятие «realangst» часто переводится на английский язык как «realistic anxiety» – «реалистическая тревога». С этими размышлениями оказывается созвучно мнение переводчика J. Strachey, который в своих заметках, касающихся перевода на английский язык работы З. Фрейда «Lecture 25: Anxiety», посвященной тревоге [21], писал о трудностях, возникающих при передаче значения слова «angst». В частности,

он говорил о том, что З. Фрейд не придерживался последовательности в различиях, которые он сам же проводил в употреблении этого термина. По мнению J. Strachey, используемое З. Фрейдом слово «angst» могло переводиться любым из обычных английских слов – «fear» (страх), «fright» (страх, боязнь), «alarm» (смятение) – и, следовательно, при передаче содержания данного текста не было особой необходимости фиксироваться на определенном термине.

Что касается собственно вариативности использования различных слов, использующихся в разных языковых группах для определения «тревоги», то наиболее показательной представляется статья английского исследователя M. Lider «The nature and measurement of anxiety» («Природа и определение тревоги»), опубликованная в 1975 году на страницах журнала «Psychiatry» [22]. В этой статье приводится более 20 слов, использующихся в англоязычных работах для обозначения разнообразных проявлений «тревоги»¹. Другими словами, не только сама по себе «тревога», но и ее эмоциональные оттенки, отраженные в богатстве каждого языка, имеют особое значение в понимании этимологического своеобразия трактовки таких психологических состояний.

Проведенный нами краткий психолого-этимологический анализ западно-европейского понимания слова, переводимого на русский как «тревога», обнаруживает следующее его значение – «скованность, парализующий страх перед неизвестностью». Другими словами, в отличие от русского «треволнения», **западно-европейская интерпретация «тревоги» относит ее ближе к страху,**

отсюда и неопределенность трактовки и трудности перевода.

Можно полагать, что именно амплитуда проявлений этого состояния имеет особое значение для разграничения терминов «страх» и «тревога», поскольку для выражения более разрушительных эмоций, чем «anxiety», в немецком языке используются слова «schreck» и «furcht», обозначающие страдание, страх, боязнь, ужас, испуг, оцепенение, смятение. В отличие от понимания в языках славянской группы (и, как следствие, в психологии, использующей такие языки), где не сам по себе характер действия (сила ощущений), а именно опредмечивание переживаний, направленных в будущее, отличает «страх» от «тревоги».

Если же говорить о греко-латинских корнях этого термина, то славянская и романская этимология оказывается различной. На нейровегетативном уровне – это две разные группы симптомов – тремор в одном случае и скованность – в другом.

Автор не берется с уверенностью утверждать, что используемые для описания и квалификации состояний регистра «тревоги – страха» термины принципиально различны. Возможно, речь идет всего лишь о культуральных особенностях переживания одного и того же состояния. Поскольку именно слова в естественном языке отражают становление национального само- и мироощущения, именно в языке содержится больше исторической и культурной информации о психологических особенностях и традициях его носителей.

Исходя из этого можно предположить, что собственно критерии и правила адекватного использования рассматриваемого термина остаются достаточно расплывчатыми и не всегда определенными. Особое значение этот вывод имеет для работ зарубежных исследователей при их переводах, поскольку научный и литературный перевод должен выполняться в особой осторожностью. Соответственно проблема выделения критериев (внешних, внутренних) для формулирования определений этого феномена (понятия и соответствующих ему терминов) представляется актуальной задачей современной науки, поскольку решение проблемы тревоги относится к числу наиболее острых и актуальных задач психологии. Что же касается собственно определения понятия, то «тревогу» следует относить к универсальным и фундаментальным психическим образованиям, отличающимся феноме-

¹ «agitation» – волнение; «alarm» – тревога, тревожиться; «anguish» – душевное волнение; «apprehension» – беспокойство, предчувствие; «concern» – беспокойство (новое предприятие); «consternation» – испуг; «disquiet» – беспокойство; «distraught» – безумец от горя; «dread» – страх, трепет; «edginess» – нетерпеливость; «fright» – внезапный сильный испуг, тревожить; «jitteriness» – нервность; «misgiving» – опасение, предчувствие дурного; «nervousness» – нервозность; «panic» – паника, переполох; «pent-up felling» – внутреннее напряжение; «perturbed» – возмущение, встревоженность; «qualm» – приступ дурноты, беспокойство, растерянность; «scare» – внезапный испуг, паника; «tearful» – страх, ужас; «trepidation» – трепет, дрожь, дрожание; «troubled» – беспокойный, предвещающий бурю; «uneasiness» – неудобство, беспокойство; «worry» – беспокойство, тревога, мучение.

нологической многомерностью и сложной психологической структурой.

Литература

1. Березин, М.А. Системный подход и теория функциональных систем в изучении психической адаптации как медико-психологической проблемы / М.А. Березин, Л.И. Вассерман // *Медицинская психология в практическом здравоохранении*. – СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2003. – С. 29–34.
2. Габдреева, Г.Ш. Основные аспекты проблемы тревожности в психологии / Г.Ш. Габдреева // *Тонус*. – 2000. – № 5. – С. 32–39.
3. Китаев-Смык, Л.А. Психология стресса / Л.А. Китаев-Смык. – М.: Медицина, 1983. – 368 с.
4. Ковалев, Ю.В. Взгляд клинициста на феномен тревоги / Ю.В. Ковалев // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.* – 2009. – № 1. – <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.11.2011).
5. Лопес Ибор, Х. К определению понятия «невротизм» / Х. Лопес Ибор // *Журн. невропатол. и психиатр. им. С.С. Корсакова*. – 1972. – № 3. – С. 446–450.
6. Морозов, В.М. Понятие реификации в психиатрии и социологии / В.М. Морозов, С.А. Овсянников // *Журн. невролог. и психиатр. им. С.С. Корсакова*. – 1996. – № 1. – С. 112–114.
7. Прихожан, А.М. Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст / А.М. Прихожан. – М.: Питер, 2008. – 192 с.
8. Психологическое самообразование: читая зарубежные учебники: Проблемы психологии личности. – М.: Школа-Пресс, 1992. – 112 с. – (Б-ка журнала «Вопросы психологии»).
9. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова; Ин-т социологии РАН. – М.: Альфа-М., 2009. – 160 с.
10. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1979. – 123 с.
11. Тревога и тревожность. Хрестоматия / под ред. Астапова. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 240 с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер: пер. с нем. – СПб.: Изд-во «Азбука», 1996. – Т. 1–4.
13. Фрейд, З. Торможение, симптом, страх / З. Фрейд // *Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1: Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие: пер. с нем. / общ. ред. А. Боговикова*. – М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998. – С. 520–532.
14. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – М.: Академический проект, 2009. – 208 с.
15. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004.
16. Шюле, Г. Руководство к душевным болезням / Г. Шюле; пер. Д.Г. Фридберга. – Харьков: Изд. врача Б. Хавкина, 1880. – 639 с.
17. Эверли, Дж.С. Стресс: природа и лечение / Дж.С. Эверли, Р. Розенфельд. – М.: Медицина, 1985. – 224 с.
18. Baruk, H. La desorganisation de la personnalite / H. Baruk // *Arch Neurol Psychiatry*, 1953. – 70(3). – P. 411.
19. Ey, H. Manuel de Psychiatrie / H. Ey, P. Bernard, Ch. Brisset. – Paris, 1967.
20. Freud, S. Inhibitions, symptoms and anxiety / S. Freud. – London: Hogarth press, 1926.
21. Lecture 25: Anxiety // *Standart Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / ed. by J. Strachey*. – London: Hogarth Press, 1963. – Vol. 16.
22. Lider M. The nature and measurement of anxiety / M. Lider // *Psychiat. Pol.* – 1975. – Vol. 9. – № 25. – P. 481–493.
23. Pichot, P. L'anxiete / P. Pichot. – Paris, 1987.

Поступила в редакцию 18 ноября 2011 г.

Малкова Елена Евгеньевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, докторант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург. E-mail: Helen_malkova@herzen.spb.ru

Elena E. Malkova. Candidate of Psychological Sciences, docent of the Department Clinical Psychology, doctorant, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: Helen_malkova@herzen.spb.ru